

СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ»

ПАРАДИГМА ПЕРСОНАЛИЗМА: ПРОБЛЕМА ДРУГОГО

*Т. П. Короткая
(Минск, Беларусь)*

Понятие персонализм является многозначным. Чаще всего под это понятие подводятся течения философии и психологии, которые в основу кладут понятие личность. Персонализм — философия личностная. В широком смысле персонализм — целый огромный пласт философии и культуры, в центре внимания которого личность, человек. В таком широком понимании персонализм представляет собой этико-гуманистическую традицию европейской философии в целом. Собственно же персонализм в философии XX в. объединяет ряд мыслителей, который чаще всего тематизируется регионально — русский, французский, немецкий персонализм и т. п. Таким образом, термин, понятие персонализм употребляется, по существу, в двух смыслах. Во-первых, в очень широком смысле как персоналистическая тенденция в философии и культуре вообще, во-вторых, в более узком смысле, этим понятием обозначаются довольно многообразные и многоликие направления в философии XX в. Тем не менее при всем многообразии и сложности этого духовного образования, в нем можно попытаться усмотреть некие типические черты, которые позволяют относить того или иного мыслителя к философии персонализма. Мы будем в своем анализе опираться на идеи французского персонализма (Э. Мунье и движение, консолидировавшееся вокруг журнала «Esprit») и русского персонализма (Н. Бердяев, Н. Лосский и др.).

Персонализм исходит из тезиса о том, что личность представляет собой первичную реальность, нечто уникальное, неповторимое в природном мире. По мнению персоналистов, человек — своеобразный разрыв в цепи причинно-следственных связей и отношений, которым подчиняется мир природы. Эта инаковость человека проявляется в его свободе, на основе которой возможно творчество человека, создаются новые уникальные материальные и духовные ценности, происходит порождение нового, ранее не бывшего.

Персоналисты критикуют рационалистическую философию Нового времени за то, что эта философская традиция, начало которой положил Декарт, акцентирует внимание на самосознании, *cogito*. Здесь сущность человека понимается как мышление, разум. Для персоналистов же сущностью человека является духовность, творчество, свобода.

Персонализм подвергает резкой критике монистические формы философии. По их мнению, монизм в применении к человеку означает такое понимание человека, при котором субъект есть результат развертывания изначально

заданных свойств и потенций мироздания. Назначение и миссия человека усматриваются в том, что в нем субстанция (будь то в форме мирового разума, идеи, материи и т. п.) приходит к осознанию самой себя. Любая форма монастической философии, таким образом, трактуется в конечном счете как «заданность» всех возможных форм человеческой жизнедеятельности, что снимает вопрос о самостоятельности и автономии человека. В противовес этому, персонализм исходит из тезиса о том, что человек представляет собой первичную творческую реальность, он имеет свою особую миссию и особое назначение в мире.

Резкой критике подвергается в персонализме познавательная схема классической философии. Как известно, для философии Нового времени, какие бы формы она ни принимала — то ли абсолютного идеализма Гегеля, то ли эмпиризма, основным было признание самодостаточности разума для философского постижения действительности. По мнению персоналистов, классическая философия опирается на научную рациональность, в этой традиции происходит абсолютизация понятий, логико-дискурсивного мышления. В силу этого урезанию и редукции подвергается, по их мнению, в классическом рационализме целостность человека, ибо он сводится лишь к субъекту познания — гносеологическому субъекту, для которого внегносеологические качества человека несущественны. Поэтому, исходя из этой позиции, следует отмежеваться от эмоциональных, волевых, эстетических, моральных отношений человека к действительности как искажающих познавательную деятельность, которую следует подвести под общий логический знаменатель, отвлекаясь от всего личностного как несущественного. Взамен этого персоналисты настаивают на необходимости исходить в философии из персоны, личности как качественно неповторимого и своеобразного живого, многомерного, творческого начала.

Взамен ориентации классической философии на субъект — объектное отношение как базовое в познавательной деятельности, персоналисты кладут в основание философии личность как высшую духовную ценность. Понятия дух, духовное в персонализме имеют широкое значение. Здесь содержится сплав познавательных, моральных, религиозных, эстетических идей. Область духа предстает в персонализме как сфера, где происходит самосознание человека. Дух в персонализме, прежде всего, сфера ценностно окрашенного, целостного человеческого опыта. Духовное, дух предстает в персонализме как видение целостности мира в его глубинной реальности. Для ряда персоналистов обретение духовности понимается как сложная диалектика внутреннего развития, личностного становления человека. При этом личность понимается не как атрибутивная характеристика человека, а как то, чего следует достичь, что требует волевого усилия, духовной работы над собой.

Персоналисты настаивают на необходимости отказа от рационалистического эссенциалистского подхода к решению проблемы человека. Вместо рассмотрения человека по аналогии с окружающим миром, как *res cogitans*, пер-

соналисты делают акцент на духовном опыте как опыте живого существующего человека. Духовный опыт, его разные срезы (исторический, религиозный, мистический и др.) призваны описывать этапы личностного становления человека. При этом диалектика духовного опыта описывается по-разному. Для описания личностного становления человека используются понятия-экзистенциалы страха, тоски и ужаса. Страх является экзистенциалом, долженствующим описывать не духовное состояние человека, т. е. такое состояние, когда человек есть одно из составляющих социального или природного целого. Понятие страха и должно описывать то состояние, в котором находится человек в окружающем его мире, — аналогичное тому, что в терминологии М. Хайдеггера выступает как забота. Понятие тоски и ужаса представляет собой осознание человеком недостаточности его существования как простой составляющей универсального целого, простой вещи в ряду других вещей. Этот опыт — опыт тоски и ужаса — дает первоначальное выражение того факта, что человек не вмещается в мир природной необходимости, он есть духовное существо. В других терминах эта духовная диалектика описывается через понятия экстериоризации — ориентации человека во внешнем мире; интериоризации — сосредоточенности человека, понимании себя как духовного существа, и, наконец, через понятие трансценденции.

Понятие трансценденции является важнейшим в персонализме и во многом благодаря их разработкам оно стало одним из важнейших понятий философской антропологии в целом. Как известно, человек представляет собой реальность особого рода. С одной стороны, эта реальность формируется в процессе интериоризации духовного опыта человечества, человек как бы «вбирает» в себя внешний мир. С другой стороны, человек способен выходить за пределы своего наличного бытия, он тем самым превосходит себя и, изменяя себя, способен изменять окружающую действительность. Человек живет как бы в двух мирах, двух проекциях своего бытия — во-первых, в мире физической и социальной данности, которая всегда ценностно окрашена, во-вторых, он выступает как проект, незавершенность, трансценденция. Трансцендентность относится к числу фундаментальных характеристик человека. Человек может делать себя иным, он воплощает в себе вечное созидательно-преобразующее начало. Однако, преобразуя себя, он тем самым способен преобразовывать окружающий природный и социальный мир, ибо, по словам Э. Фромма, «жизненная задача человека совершенно парадоксально сочетает в себе реализацию индивидуальности и в то же время выход за ее пределы и достижение универсальности»¹.

Для философов-персоналистов понятие трансценденции тесным образом связано с понятием коммуникации, диалога. Основной характеристикой

¹ Фромм, Э. Душа человека. — М., 1992. — С. 372.

личности является ее открытость другому. Основанием конституирования личности является существование других личностей и их общение. Персоналисты противопоставляют понятие личность и индивид. Индивида можно охарактеризовать как чисто биологическое существо, он выступает как часть целого, у него нет глубокого духовного опыта. Личность, хотя и не может быть логически и понятийно строго определена, есть духовное бытие, она принимает внутрь себя моральные ценности и творит себя, будучи свободным и независимым моральным существом. Индивид же является порождением того порядка бытия, где из поля зрения элиминированы дух, свобода, творчество. В отличие от диалогического характера личности, существенной характеристикой индивида является его эгоцентризм, замкнутость на себе. Описывая диалектику духовного становления человека, персоналисты подчеркивают открытость его трансцендентному, они полагают трансцендентное базовым условием духовного опыта человека и его личностного развития. Пытаясь описать понятие трансценденции, персоналисты ссылаются (как и в случае с личностью) на его принципиальную неопределимость. Понятие трансценденции указывает на некий предел человеческих возможностей, человеческих понятий, но где вместе с тем приобретает смысл сам человеческий мир.

Человек способен реализовать две возможности. Либо он ориентируется на высшую ценность, Бога. Тогда путь к нему лежит через трансцендирование за пределы вещного мира к обретению специфически человеческого духовного бытия. Однако возможен другой путь — путь выбора другого как низшей ценности, когда человек не связывается через трансцендирование с духовным, а выбирает вещный мир, он становится рабом бытия, индивидом. В противовес этому личность ориентирована на других. Личность направлена на бытие, ее свобода, ее внутренняя диалектика предполагает вместе с ориентацией на других также ориентацию на Бога. Человек становится личностью не только через отношение к другим людям, но благодаря, прежде всего, личному отношению к личному Богу.

У ряда философов-персоналистов христианство выступает не как строгое догматическое учение, а как общий принцип, направленность мысли, которая исходит из того, что личность, духовность возможны только при наличии трансцендентного бытия. При этом это трансцендентное бытие понимается не как Абсолют, не как абстракция, а как личная встреча открытой и свободной личности с Богом.

Личность, открытая трансцендентному, есть нечто большее, чем простая часть целого. Личность вырабатывается длительным процессом, работой над собой. Такие персоналисты как Бердяев, Мунье настаивали на диалогическом характере личности. Другой, Ты описывается ими как самодостаточное нередуцируемое, как то, что трудно выразить через логические понятия. Диалог является конституирующим началом личности. При помощи экзистен-

диальных понятий Я, Ты, Мы описываются фундаментальные характеристики личности. Изначальный опыт личности — это опыт «другой личности», «Ты». Личность, по мнению персоналистов, существует только в движении к другому, познает себя только через другого, обретает себя только в другом. По Мунье, именно эта открытость другому, понятая как способность стать на точку зрения другого человека, сопричастность судьбе другого, не имеет аналогий в природном мире.

На основе диалогического понимания личности выстраивается в персонализме понимание важнейших социологических проблем. Противопоставляя понятия личность и индивид, они подчеркивают тот момент, что, как правило, социологические теории исходят из индивида, из понимания человека как части общества, одного из равновеликих составляющих социального организма. Персонализм противостоит как индивидуализму, так и коллективизму тоталитарного типа. Для них две эти на первый взгляд крайние концепции на самом деле исходят из понимания человека как индивида. В первом случае индивид противопоставляет себя коллективу, во втором — он подавляется коллективом. Ложность этих подходов состоит в том, что они исключают духовную природу личности. По этой причине вместо внутреннего духовного общения социальные отношения предстают как отношения безличностные, человек здесь не может реализовать себя как личность. Человек не может соединиться с другими, «Мы», внутренне, духовно, ибо «Ты» становится «не-я», или объектом, индивидом. Для персоналистов важным является описание подлинной социальности как общества взаимопонимания, творческого взаимообогащения. Они не просто описывают отчужденного человека в отчужденном обществе, но утверждают возможность достижения подлинного человеческого общения.

Подлинные социальные отношения, подлинная социальная структура должна строиться на основе диалога, где социальные структуры предстают как открытость «Я» «Мы». Реализация личностного персоналистического общения и в этом смысле подлинной социальности возможна лишь на основе любви.

Быть личностью означает любить. Любовь здесь понимается не в смысле эмоционально-психологическом. Она предстает как новая подлинная форма бытия. Именно на основе любви возможно преобразование современной цивилизации в сторону подлинного гуманизма. Любовь понимается как модель подлинных социальных отношений, подлинного бытия человечества, где человек может реализоваться как свободное творческое существо. Мунье перефразирует известное декартовское «*cogito ergo sum*» — мыслю, следовательно, существую — в тезис — я люблю, следовательно, существую. Благодаря любви — к другим людям, природе — человек начинает ощущать внутреннюю глубинную связь с другими людьми, природой. Он переживает чувство родственности, вовлеченности, включенности в этот мир. Это формирует чувство подлинной

ответственности человека — «свой родственный» мир и «свои» другие люди не могут рассматриваться как вещи, они уникальны, неповторимы. В опыте любви происходит выход, трансцендирование к другому как к личности. Здесь нет подчинения другому, здесь происходит открытие другого как равного, самодостаточного, обладающего собственным бытием. Здесь открывается другая личность как имеющая ценность и значимость в своем собственном бытии. Здесь я обладаю подлинным бытием, но также другой, ты понимается как значимый, обладающий онтологической реальностью. Об этом в свое время писал Гегель: «Любить — значит быть тем, что вне меня: я имею свое самосознание не во мне, а в другом, но это такое другое, в котором я только и удовлетворяюсь, в котором я обретаю мир с самим собою: я есмь лишь постольку, поскольку во мне мир; если его во мне нет, то я — противоречие, я распадаюсь; это другое, поскольку оно именно таким образом находится вне меня, имеет свое самосознание только во мне, и оба суть только это сознание их внешнего по отношению друг к другу бытия и их тождества, и это созерцание, чувствование, знание единства есть любовь»². Точно также и окружающий мир становится благодаря этому духовному опыту любви нашим миром, но миром, который имеет свою самоценность, он не противостоит нам как чуждый, он является родственным, родным. Таким образом, мы ощущаем свою родственность миру и другим людям, или, следуя Мунье, свою вовлеченность в этот мир и свою ответственность за него.

² Гегель, Г. В. Философия религии. — Т. 2. — М., 1977. — С. 230.